

Миниатюры

Чистый лист

Приехал как-то в наш леспромхоз из головного предприятия «толкач» (помощник в решении производственных вопросов), некто Строгачев. Для нас, работников аппарата управления, это был человек новый, доселе нам незнакомый. Мужчина видный, серьезный, строгость чрезмерная сквозит во всем, голова вечно вверх задрана, нас не замечает. Понизко ему с нами якшаться. Руку подавал только директору.

На первом же совещании отчеты начальников отделов и служб резко обрывал, считая их оправданиями нашей бездеятельности. А дела в те годы у нас действительно не ладились, и были на то объективные причины, никак от нас не зависевшие. Правда, кто из вышестоящих тогда считался с этим? Все укоры, все невзгоды сваливались на наши головы. Выговоры сыпались, как из рога изобилия. Правда, мы их шутя называли орденами, не забывая, естественно, обмывать, как и положено было поступать с правительственными наградами.

Утром следующего дня узнаем, что на 9 часов в кабинете директора назначено новое совещание. Побросав свои дела, на «ковре» собрались все 33 управленца. Строгачев вошел «нелегкой походкой матросской». Чувствовалось, что ноченьку он провел непростую, да и перед заходом в помещение для экзекуции «принял на грудь». «Свежачком» тянуло метров на десять, не менее.

- Ну, что, собрались? У меня с вами разговор будет

долгий и нелюбезный, причем с каждым. Начнем с главного инженера — что скажешь? Впрочем, оправдания твои не хочу слушать. Где начальник производственного? Хотя тебе тоже сказать нечего. Главный механик? - Со своими просьбами — тоже не нужен. В общем, так: вот вам пачка чистой бумаги. Все пишите заявления об увольнении по собственному желанию. Все до одного.

Никто из присутствовавших на совещании за бумагой не потянулся, все замерли, в ожидании очередной выходки «толкача». Повисла зловещая тишина. Довольно отчетливо было слышно клокотание закипавшего в приемной секретаря чайника. Немая сцена длилась минуты две-три, пока кто-то из остряков из последних рядов не произнес вполголоса: «Все?».

- Все! - рявкнул Строгачев.

Шумя передвигаемыми стульями, мы двинулись к выходу. «Совещание» длилось ровно пять минут.

А назавтра в нашем райцентре проводились областные соревнования «Вологодские зори». В пяти видах соревнований принимали участие и наши спортсмены, ребята с нашего предприятия. Идет очередной забег на 400 метров. Наш юноша, увы, замыкающий. И, как на зло, ко мне подходит директор с поддатеньким Строгачевым.

- Ну, как успехи, профсоюзный босс? - шутливо вопрошает «толкач».

- Плохо! - зло, в сердцах, - отвечаю. - Футбол провалили, на волейболе — после первой же игры выбыли.

- А в забеге участвуете?

- Да, - отвечаю.

- Который ваш?

- Последний.

- Как работаете, так и в спорте у вас дела обстоят! - констатирует Строгачев, хмуря брови.

- Тоже чистый лист бумаги брат! - со злобой парирую его, намекая на вчерашний инцидент.

Директор застыл, окаменел в буквальном смысле слова,

не ожидал от меня такой дерзости по отношению к Строгачеву.

Лицо «толкача» пошло пятнами, заиграли желваки. Короче, ситуация накалилась, исход — непредсказуем. «Карибский кризис», да и только, лишь масштаб не тот.

Гляжу в упор на оппонента, чувствую, как работает — шелестит его пропитой «компьютер» в поисках правильного решения-ответа.

Звучит совершенно неожиданное: «Нет, спорт надо развивать!».

Разошлись миром «Хрущев» и «Кеннеди», сыграли вничью. Напряжение спало. Треугольник распался: я пошел к команде, директор — в судейскую, Строгачев — отсыпаться.

Дак, мужик выгнал

Отчаянный и доверяющий всем без исключения у меня двоюродный брат, в какой-то мере даже наивный. А в целом — рубаха-парень. Может от того, что всю жизнь в деревне-матушке прожил, и привык людям во всем верить и дела для них только добрые творить. Он ведь даже свой колхоз не покинул, когда тот развалился. А ведь не раз звали его предприниматели к себе. Он же и тракторист, и шофер, и с бензопилой может управляться. В общем, мастер на все руки. Просто председатель у него — друг, в детстве еще вместе деревенскую грязь месили. Так и идут по жизни рядышком, реорганизуя да перерегистрируя местное сельхозпредприятие, не без труда сводя концы с концами.

Живет Александр в Костромской области, раза три в год навещает. Приедет на своей «шестерочке», погостит дня три-

четыре — и опять восвояси.

В силу своей доброты, куда бы Сашок ни ехал, ни одного голосующего на дороге бедолагу не оставит, посадит, подвезет, если местечко, конечно, в машине есть свободное.

Вот и нынче приехал, пару деньков «оттянулся» и говорит: «Поедем в Великий Устюг, дядюшку навестим». Уговорил. Отгостились там немножко — и домой.

Обратно возвращаемся, уже далеко за Кичменгским Городком женщина голосует. Вся закутанная, мороз-то под 30 градусов, да и ветерок с севера тянет. Сашке жалко ее стало, притормозил. Когда та устроилась, раскуталась, спросил: «Что ж ты, милая, в такой-то мороз на трассе делаешь? Ведь до ближайшей деревни километров 15 будет. Что тебе дома-то не сиделось?» Что-то забормотала про себя попутчица, зашмыгала носом, а потом с таким горестным от явной безысходности выдохом, прошепелявила: «Дак, мужик выгнал».

- Как выгнал? - оборачиваюсь с переднего сидения, - вроде не 18 лет тебе, чтобы в такие-то игры вам играть, Поди и дети есть?

- Как нет, - зашамкала она, прикрывая рот носовым платком, - трое. Старшему — 15 лет, среднему — 11, а младшему -9.

- И где же они?

- С батюшкой в Устюге остались.

- А ты куда путь держишь?

- К матери, в деревню Красную еду.

- Надолго ли?

- Пока мужик за мной не придет.

- А вещички твои где?

- Да какие там вещички, только обуться-одеться и успела.

Как пушинка из дома-то вылетела. Передние зубы вон, изверг, выбил. Даже денег не успела взять. Вот на попутках, на перекладных и трясусь до своей деревни.

- А чего не расстанешься с ним? Ведь изувечит тебя

когда-нибудь, а то и совсем до смерти забьет.

Долго молчала попутчица, шмыгая носом. Затем, опять тяжело вздохнув, промолвила: «Да, хороший он у меня. Вот пропьет неделю-то и придет в Красную. На колени встанет, умолять будет, чтобы вернулась. Любит он меня, шибко любит. Когда не пьет, он ведь золотой человек. А как выпьет — дурить начинает. Такой уж он есть.

- И часто пьет?

- Да нет, раз в год, но шибко. Он ведь на барже у меня плавает. Всю навигацию — ни грамма. В начале зимы — на ремонтных работах в затоне, тоже не до пьянки. Крепко их начальство в руках держит. А вот февраль-март отдыхает. Тут с ним и случается беда. Загуляют они с мужиками — неделю отдай. Беспробудно пьянствуют.

- Ну, иной пьет, но руки-то не распускает.

- Ревнует он меня сильно. За навигацию-то раза три-четыре дома бывает, и то по дню, по два, не больше. И опять в рейс. Не верит никак, что нет у меня любовника. Не может, говорит, баба без мужика обходиться. Оправдывайся не оправдывайся — все равно не верит. Да, видно, кто-то еще из собутыльников его настраивает на это. Сплетню пустят, а он ведь все всерьез принимает. Иногда-то удается заранее к матери уехать. Как увижу, что запил, складываю в сумку самое необходимое — и в деревню. А нынче-то вот нежданно-негаданно домой появился. И с порога — сразу в зубы...

«Спорит Вологда, и спорит Кострома»

Случай этот произошел давно, когда еще строилась автомобильная дорога Великий Устюг — Никольск. Приехало на стройку большое областное начальство. Секретари трех райкомов: В-Устюгского, Кичм.-Городецкого и Никольского

сопровождали их. А, соответственно, и журналисты тех же трех районов на своих «УАЗиках» замыкали эскортную колонну.

Остановились пообедать в Кичменгском Городке, в столовой мясокомбината. «Большие мужики» столы сгрудили отдельно, мы же сдвинули два столика и вшестером с комфортом разместились. Звучало радио, шел концерт по заявкам. Геннадия Каменный пел известнейшую в те времена песню «Спорит Вологда, и спорит Кострома».

Кич-Городецкий шофер прокомментировал ее содержание: «Чего там сравнивать вологодские кружева с волжской синевой? Нашли о чем спорить, и чем хвастать! Вот у нас, сами видите, какой мясокомбинат отгрохали, вот тут уж можно спорить и бахвалиться». Устюгский водитель промолчал, а наш, никольский, за словом в карман не полез.

- Зато у нас есть школа-интернат, где живут и учатся сироты, дети из многодетных семей и ребяташки, чьи родители лишены прав на воспитание. Кстати, там немало и ваших, городецких, пацанов.

- А у нас во всех магазинах по дешевке продают потроха и кости с нашего комбината, а у вас ни печени, ни сердца, ни почек не купишь, - давил кичменжанин.

- А у нас спецшкола есть, где учатся умственно-отсталые дети, в том числе и ваши, - защищался никольчанин, - и устюжане тоже.

Кичменжанин, вытаскивая ложкой из супа большой кусок говядины, съязвил: «А вы где-нибудь ели такой вот суп, где мясо кусками было бы навалено?».

Деваться никольчанину некуда, ни в одной нашей общепитовской столовой таких первых блюд не бывает. Но, тем не менее, он «марку» держит: «Зато у нас есть психоневрологический диспансер, союзного, понимаешь, значения. И там больных кормят получше, чем в этой вашей столовой».

Молчит городецкий водитель, переживает. Вроде бы

и сказать что-то надо, да пока нечего — гуляш-то фирменный еще не принесли.

А в это время, как на грех, тройка мясокомбинатовских рабочих подошла пообедать. Никольчанин решил добить своего оппонента.

- Смотри, какие у вас мелкие мужики. Наши в два раза рослее.

- Зато, зато, зато... наши кичменжане в два раза больше водки держат, а пьянеют одинаково с вашими.

- А наши всегда ваших били, бьют и будут бить, - выкрутился никольчанин.

Последнее же слово осталось за кичменжанином, с гордостью за своих, с пафосом, произнесшим: «А наши трезвые парни ваших пьяных бить бы не стали!».

Сети на мосту

Середина 80-х годов прошлого века. Поехали мы как-то леспромхозовской комиссией в один из лесопунктов на приемку вахтового поселка лесозаготовителей. Проезжаем в поселке по мосту через речку. Что такое? На перилах с небольшим интервалом висят рыболовные сети. Штук пятнадцать-двадцать, не менее.

В гараже, в разговоре с техноруком вспомнили о развешенных сетях и спросили, что бы это значило?

- А дело в том,- ответил он, - что, то ли кто-то «стукнул» в район, что поселковые мужики наставили по реке сетей, то ли по наитию отвечающего за это дело чиновника, но назавтра он приехал, повытаскивал все их сети и развесил на мосту.

- Зачем?

- Слушай дальше, не перебивай. В общем, он сделал

свое дело и сейчас выжидает, сидя в избе у местного охотника, друга его.

- Чего выжидает-то?

- Чего чего, сети-то дорогие, мужикам жалко их терять.

- Так пришли бы и взяли.

- Чудак ты, они же пока для него ничейные, а как пойдешь брать, он тут же на тебя протокольчик и составит — егерь-то на горушке прямо моста живет, окна его дома на реку выходят. Сидит у окна этот чиновничек-то, поглядывает, когда хозяева объявятся.

- Так ведь охотник-то знает, чьи это сети и кто их ставил.

- Конечно, знает.

- Ну, так?

- А ты не нукай, как он своих «продавать-то» будет?

Если настучит — не жить ему в поселке.

- Послали бы к нему парламентаря. Так, мол, и так.

Какой-то выход надо искать.

- Посылали уже, пить не стал, отказался.

- А что дальше будет?

- Поживем — увидим.

Съездили с начальником лесопункта на вахту. Через пару дней вернулись. Гляжу, сетей на перилах уже нет. А любопытство разбирает. Пошел к техноруку.

- Как решили вопрос с сетями-то?

Смеется технорук. Понял я, что и его сеточка на перилах болталась.

- Да, договорились. Мы ему машину дров пообещали.

- Отдал?

- Конечно.

- А рыба-то не пропала?

- Домой к себе с рейсовым автобусом отправил, жене на переработку. А сети мужики опять поставили. Наловят рыбы, в накладе не будут. Хуже было б, если бы он сети забрал. Дорогие они, да и в дефиците, достань-ка попробуй. А жить-то с рыбой веселее. Машина дров для такого-то лесопункта —

тьфу, капля в море, больше иной раз теряем.

- Так чего он выжидал-то? Сказал бы прямо — везите дрова и забирайте сети!

- Ничего ты не понял. Ему мужики должны в ножки поклониться, соблюсти, так сказать, субординацию, а не он с мужиков требовать. Это ведь вещи совершенно разные. Да и цену набивал. Теперь вот дня три оттянется на мужицких харчах по полной программе, отопьется, затем сутки отсидится-отлежится, в баньке попарится и домой к женошке своей разлюбезной свеженький, как огурчик, приедет.

- Так ведь и на следующий год все это может повториться?

- Конечно, повторится, это не первая весна у него и не последняя. Сколько помню себя, всегда так было.

Продолжай давить лосей, Василий

Далекий уже 1978 год. Долгий путь, да еще по бездорожью, всегда располагает к разговору, особенно если попутчики — люди добрые, отзывчивые, разговорчивые, в общем, свои в доску. Пять часов, что мы ехали, точнее, когда мы качались из стороны в сторону, от Никольска до далекого лесного поселка в кузове затентованного «ЗиЛ-157», о чем только не переговорили.

Особым вниманием пользовался в зрелых годах дядечка — Василий, весельчак и балагур. И хотя возвращался он из мест не столь отдаленных, ну нисколечко не был он похож на заключенного: обычный деревенский мужик, с крестьянской правдой, хваткой, удалью и юмором.

- А что, Василий, на побывку едешь, али как? -
прошамкал беззубым ртом дедушка Степан, закусывавший

хлебным мякишем только что пропущенную стопочку водки.

- Да нет, насовсем возвращаюсь.

- Да как же так, тебе поди-ка, полтора года еще сидеть бы надо?

- А меня досрочно выпустили, за хорошую работу и примерное поведение, - засмеялся освобожденный, - хватит с меня и полутора лет отсидки.

- Да что-то не верится, - напирал дедок, - чтобы ты, Васька, хорошо там работал. Ты и здесь-то не изломился, разве, что детей наклепал, что клопов наплодил. А там ведь на лесоповале-то робить надо во всю силушку, лесок-то, он все здоровьице до капельки забирает. А ты, я вижу, как был краснорожим, таким и остался.

- Верно дед Степан ты заметил, там я на делянке-то всего два денька пробыл. Порубил сучки от всей души, а там норма-то не чета нашей лесопунктовской, и задумался, ведь если таким Макаром пойдет и дальше — похоронят меня здесь, на зоне, в номерной могилке, и никто из родных не прольет слезу на ней по сгинувшему раньше срока рабу божьему Василию. А уж коль я задумался, то выход найду, ты меня знаешь. И нашел. Со следующего дня я стал симулировать: корчиться начал, то бледнеть, то краснеть, то травить. От еды стал отказываться, не принимает, мол, желудок мой пищу — и все тут. Я там, на зоне, к слову, почти самый старший был. Начальник лагеря — паренек еще относительно молодой, неопытный, посмотрел, как меня трясет, то как я потом исхожу, от работы отстранил, направил к фельдшеру. А та, тоже молоденькая, год как с училища, понять не может, что со мной происходит. С диагнозом у нее проблема вышла, соответственно и лечение не назначает. Ну, в общем, намекнул я им, что в столь солидном возрасте физически тяжело человеку, то бишь, мне, ломить. А если я помру — для их лагеря это большущее ЧП будет, и начальника вместе с медиком за это по головке не поглядят.

В общем, стал я со следующего после разговора дня

библиотекарем работать, семи классов мне для этого вполне хватило. Скажу честно, понравилось. Халявная работа, тепло и сухо, кормят хорошо, в почете и у начальства, и у зэков. Не как дома, никто над душой не стоит — ни жена, ни девять моих оглоедов. Вроде как жизнь хорошую нажил.

Без малого год прошел за книжками. Сижу, почитываю, очки себе профессорские выправил. Интеллигент, да и только.

Как-то вечерком заходит ко мне начальник, я в библиотеке один.

- Слушай, Василий, - говорит, - за что тебя осудили? Неужели за лося задавленного, как в деле прописано?

- Точно так, - отвечаю, - посуди сам: работал сторожем — какие тут деньги, жена — инвалид, нигде не работала, на руках ребятишек прорва. А жить-то надо, детей кормить-растить худо-бедно тоже нужно. Пришлось лосями промышлять. Стрелять нельзя, услышат — донесут, такой уж у нас народец. Втихаря ставил петли и... однажды вот попался.

- А дети как теперь без кормильца обходятся? - спросил капитан.

- Кого в школу-интернат определили, кого в детский дом-приют забрали, двое старших в ПТУ учатся. Все на полном государственном обеспечении находятся. Жена пенсию по инвалидности получает, я тоже на казенных харчах нахожусь, - отвечаю ему.

- В общем, - резюмировал начальник, - осудив тебя, государство вынесло как бы приговор и себе. Ведь какие оно расходы несет по твоей семейке! Выходит, что вы, Лешаковы, от этого приговора только выиграли? Разве, что семья разобщена.

- Выходит, так, - соглашаюсь с ним.

Почесал репу капитан, а потом и говорит: «Нет, Лешаков, так дальше дело не пойдет. Добьюсь досрочного твоего освобождения. Не хрен тебе тут делать. Поезжай-ка ты

домой — дави лосей в своей глухомани, да корми ребяташек, собери их всех до кучи, семья должна жить вместе, в одном доме.

- В общем, кончился мой санаторий в Коми-республике. Здесь ведь меня в библиотеку не определяют, а физически-то трудиться я уже не могу. Разве что в сторожа придется опять подаваться, да лосей продолжать давить, по капитанову наказу...

Хамелеон

Мы много сейчас говорим о воспитании подрастающего поколения. А как мы на самом деле воспитываем молодежь? По-разному. Точнее так, как мы умеем или можем. Кто-то учит «бороться и искать, найти и не сдаваться», как у В. Каверина в «Двух капитанах», кто-то внушает, что необходимо приспособляться к столь переменчивой непостоянной жизни, а кто-то откровенно готовит бандита, обиженный на все и вся и так далее.

Есть люди, которые меняют свою точку зрения, или мнение по какой-то проблеме в связи с ошибочностью своих прежних взглядов. Это трудно, конечно, дается, ведь в этом случае нередко происходит ломка своего сложившегося годами мировоззрения. Я ценю и уважаю таких людей, они осознали свои ошибки или заблуждения и честно признаются в этом.

Но, есть другая категория гомосапиенс, которые, быстренько, в угоду своим амбициям или личной выгоде, легко меняют черное на белое, а чуть погодя, наоборот, - белое на черное.

Мне знакома одна женщина-педагог, которая в свое

время, работая в детском садике, до глубины души возмущалась тем, что некоторые дети, ее воспитанники, матюкаются. На мой вопрос с подвохом, а не от воспитателей или нянечек они слышат нехорошие слова и берут их затем на «вооружение», она с возмущением ответила: «Мы же хорошо воспитанные люди! Это дома дети, слыша нецензурную лексику из уст своих родителей, а также бабушек и дедушек, и их гостей, тоже начинают употреблять в разговорах бранные слова».

Прошло два десятилетия. Однажды ее внука-детсадовца уличили в нецензурной брани. Естественно, сообщили о случившемся бабушке.

- Что вы, что вы, да мы таких слов дома не произносим. Это он в садике, видимо, нахватался.

Вот так хамелеон! Теперь она на пенсии, в садике не работает, значит можно поливать грязью своих молодых коллег, по ее мнению, допускающих подобный сленг в своих группах, а, возможно, как она считает, они и сами иногда матерятся.

Можно было бы скрепя сердце, поверить экс-педагогу, ведь времена-то нынче такие, что всего надо ожидать, если бы не одно «но».

А это «но» заключается в следующем. Эта же самая бабушка, напомним, бывший детсадовский работник, на всю округу разрезвонила, как она однажды в 4 часа утра застала своего мужа с внуком на кухне за просмотром фильма с «картинками», порнографии точнее.

Комментарии, я полагаю, излишни.

Пофигист

Майским теплым деньком возвращаюсь неспешно в родной Никольск из поездки в соседнюю область. До города

уже рукой подать. Вдруг, вижу, слева, с колхозного поля, форсировав кювет, на асфальт «выскочил» «Беларусь» с поднятым прицепным плугом. Остановился на середине дороги, перекрыв обе полосы движения. Тракторист опустил плуг на асфальт и, выбравшись из кабины через правую дверку, направился в нашу сторону. Впереди меня перед МТЗ-препятствием остановились две машины, я — третий. За мной потихонечку стали притормаживать грузовики и легковушки. Да и на встрече колонна автотранспорта собралась приличная. Кое-кто начал сигналить. А механизатор — здоровущий крепкий парень, как говорят у нас - «кровь с молоком», судя по поведению, знающий себе цену, вероятно никем еще не битый, вальяжной походкой подвалил к первому авто и что-то спросил. Затем, горестно взмахнув ручищей, подошел к второму, где за рулем находилась женщина. Аналогичный жест правой конечностью, и он подошел ко мне.

- Закурить не найдется? - до-о-о-брым таким негромким голосом спросил тракторист.

- Не курю.

- Да, что это за невезуха-то такая, все некурящие собрались, как сговорились!

Ехавший со мной пассажир-попутчик предложил: «У меня есть курево, бери, дыми на здоровье».

Тот, достав сигарету и вернув пачку владельцу, прикурил, с упоением затянулся, затем неспешно выдохнул дым.

- Хорошо-о-о, кайф-то какой! Ведь три часа сигареты во рту не держал, аж под ложечкой засосало.

Затем без обиняков, как старого знакомого, спросил меня: «Далеко ездил?».

- К друзьям, в Костромскую область, - ответил я.

- Ну, и как там живут-поживают? Поди уж отсеялись? А мы вот еще только пашем.

- Да нет, и они еще тоже пашут, правда, кое-где и сеялки на полях видел, - закрыл я тему и продолжаю: «Ну, ты и номер

выкинул, смотри-ка — машин по двадцать с каждой стороны собрал. Шоферы сигналият, орут, так и до рукоприкладства может дойти, нынче водилы все нервные пошли, взвинченные, чуть что не так — в драку лезут». - У меня не забалуют, со мной не рискнут вязаться, - потряс он кулачищами, - пусть только кто сунется...

Снова с жадностью затянулся, опять же не спеша, смакуя, выпустил дым.

- Сам понимаешь, весенний день год кормит. Неужто мне в магазин из-за паршивой пачки сигарет с пашни ехать, время терять? Я с пяти утра в поле, не заметил как пачку выкурил с этой работой, а без курева не могу. А где «стрельнуть», как не на дороге. Только ведь вы хрен остановитесь, если голосовать буду. Вот и решил «силу употребить» - на тракторе на шоссе выскочить.

Докурив сигарету, бросил «бычок» на асфальт, затоптал его сапогом, поблагодарил: «Спасибо вам большое, люди добрые, теперь можно и на поле ехать».

- Возьми себе сигареты, тут еще полпачки осталось, до вечера тебе хватит, - пожертвовал курево мой попутчик, - а то через полчаса опять «стрелять» начнешь.

- Вот уважил, паря, так уважил, благодарствую!

Той же неспешной вальяжной походкой направился пахарь обратно к «Беларусю». Поднял плуг, резко сдал назад, затем круто повернул трактор направо, «перескочил» кювет и, чадя черным дымом, поехал по полю.

- Вот дает, «ворошиловский стрелок», - засмеялся попутчик, все ему по барабану. Коснись, он и поезд остановит, у него не заржавеет.

- «Стрелок»-то «стрелок», коль курево «стреляет», а только, на мой взгляд, он больше пофигист. Лишь бы себе,

любимому, хорошо было, а до других ему и дела нет, - уточнил я, - чувствует свою безнаказанность.

- Да, вязаться с таким медведем, действительно, вряд ли кто станет. Видал, каков амбал, в нем полтора центнера веса, кулачищи пудовые, а харя-то, харя-то, как арбуз хороший, того и гляди треснет, - констатировал попутчик, - вот уж бугай, так бугай и есть. Знать, не перевелись еще богатыри в русской деревне...

- Не перевелись, - подтвердил я, - только раньше-то все силачи добрыми были, за слабых заступались. А этот-то, глянь, что вытворяет.

Чивирка и Чип

Есть у меня заветный лужок, где я в весенне-летний период, а в погожие дни и осенью, кошу траву для своей ушастой живности. Кроликам, как известно, свеженькая, чуть привяленная, зелень нужна постоянно.

Притулились мои сенокосные уголья между двух дорог, сходящихся клином. С третьей стороны они граничат с «агрофирмовским» полем. Вдоль одной из дорог устроена снегозащита, в виде дощатого двухметровой высоты забора.

Как-то в конце мая прошлого года приехал я поутру на свою поженку. По росистой траве повел покос вдоль снегозащитной полосы. Вдруг, впереди, метрах в десяти от меня, выпорхнула птичка-невеличка и устроилась на заборе, тревожно на меня поглядывая.

- Чивирк, чивирк, - беспокойно защебетала она, прыгая с досочки на досочку, все отдаляясь от меня, по мере моего продвижения по покосу.

- Чивирк, чивирк, чивирк...

- Прекрасно понял все, - говорю ей, - тревожишься, матушка-пичужка, как бы я твое гнездышко случайно не нарушил?

Остановился, отер пот со лба, слежу за ее поведением. А она продолжает суетливо прыгать по заборчику, то в одну, то в другую сторону, беспрестанно щебеча.

- Не беспокойся, Чивирка, - говорю ей, - не буду здесь больше махать косой и тревожить тебя, уйду в другое место.

Проводила меня птичка-невеличка своим чивирканьем, а затем, видимо успокоившись, юркнула в травостой, к своему гнезду.

Так и повелось с этого дня: захожу на лужок, и она тут как тут, сразу же начинает прыгать по заборчику и встревоженно щебетать. Начинаю косить в сторонке, и она, уверившись в безопасности, тут же исчезает в траве. Теперь уже и утро без встречи с нею я себе не представлял. Шли дни, вот уж и лето за середину перевалило, а «свидания» наши продолжались...

Но вот, приезжаю однажды с восходом солнца на сенокос — никто меня не встречает.

- Чивирка, Чивирка, где ты? - всерьез забеспокоился я,

- Чивирка, Чивирка! - Полнейшая тишина. На завтра — послезавтра — тоже самое. Пропала моя пташечка, к которой я так уже сильно успел привыкнуть.

- Ну, - думаю, - одно из двух: или кто-то гнездышко порушил, или вывела она птенцов и улетела с ними в ближайший березовый перелесок...

Прошло еще с полмесяца. Как-то рано-поздну, как обычно, появился я на лужке. Только-только взял косу, налопатил, махнул раз, другой. Вдруг слышу громкое-звонкое: «Чип, чип!».

Остановился, осмотрелся. Неподалеку от меня сидит на самой верхней ветке куста такая же, как и Чивирка, пташечка, только чуть-чуть покрупнее.

- Чип, чип, зовет призывно. - А ведь неспроста, - думаю, уселась птичка на самую верхотуру, а чтобы я ее сразу же заметил.

Только взялся снова за косу, опять слышу по-мужски настырное: «Чип, чип, чип!».

- Что же такое? - отложил инструмент в сторону и пошел по направлению к пичужке. А она вспорхнула, перебралась на другой куст, подальше и снова как бы зовет к себе: «Чип, чип!». Иду к ней, а пташечка еще дальше перелетает, в самый конец луга меня завела, уже и дорога рядом. А она устроилась на крайнем кустике и твердит свое настырное: «Чип, чип!».

Обхожу молодые елочки и... замираю, глазам своим не верю. - Мать честная, да у меня почти сотку хорошего клевера, молодой отавы, который я оставлял на осень, какой-то мазурик выхлестал! Схватился за голову: « Кто же мог покушаться на чужое? Ведь раньше такого еще не бывало. Ни стыда, видимо, ни совести у этого проходимца нет...». А птичка, как бы с чувством исполненного долга, на прощание прощобетала свое властное: «Чип, чип, чип», перелетела через дорогу и скрылась в недалеком березняке...

- Спасибо, Чип, за подсказку, буду искать теперь этого негодяя-ворюгу. Зло должно быть наказано.

Прощай, брат

- Еще один бедолага «загорает», - сочувственно произнес напарник, заметивший на обочине дороги «жигуленка» с поднятым капотом, - минус 15, да еще на ветру — бр-р-р — не позавидуешь.

Остановились по просьбе голосовавшего, благо места свободные в нашей «Газели» были.

- Подбросьте до станции, на поезд опаздываю, некстати у брата поломка случилась.

- Садись, какие проблемы. Ему-то помощь не нужна? - кивнул я на колдовавшего с двигателем водителя.

- Да нет, с машиной ничего серьезного, через полчаса все будет в полном ажуре, просто время меня уже поджимает. Не успею сейчас на поезд, в Москве, соответственно, опоздаю на самолет, пропадет билет на Таллин.

Какое-то время братья стояли друг напротив друга, пристально вглядываясь, молчали. По всему было видно, что оба что-то хотят сказать, но не могут, скованные то ли неожиданным расставанием, то ли нашим присутствием, то ли еще чем-то более важным. В какое-то мгновение, как мне показалось, они готовы были броситься друг другу в объятия, но сдержались. Очевидно, никто из них первым не решался на этот шаг. Наконец, уезжающий, как-то отчаянно махнул рукой и с натугом, дрожащим голосом произнес: «Прощай, брат!». Затем

скоропалительно забрался в салон нашего автомобиля и, тронув меня за плечо, почти умоляюще попросил: «Поехали».

Он же и прервал воцарившееся на какое-то время молчание.

- Эх мама, мама, - как нам показалось непроизвольно вырвалось у него, - зачем же ты умерла? Жила бы — и мы б горя не знали. А теперь вот разругались, деля наследство.

- И ведь было бы чего делить-то? Дом в деревне вековой давности, семь на шесть метров, да участок пятнадцать соток — вот и все. А крестьянский скарб — кому он нужен?

- Пятеро нас всех-то, не бестолковые вроде бы, у всех высшее образование. А вот поди ж ты, не поделили... До того dospopили, что даже все детские обиды вспомнили. Трудное детство у нас, конечно, было — очень трудное. Недоедали все, делились последним...

- А тут выяснять начали, кто у родителей в любимчиках ходил? Естественно, навалились на младшего, ему по логике житейской лучшие куски должны были доставаться. А там, дальше-больше, понесло всех не туда... А ведь когда мы уехали на города, он возле матери-то один остался, агроном он у нас, до самой смерти ходил за ней, управлялся во всем. И детишки его по хозяйству ей помогали...

- Это уж мы потом одумались, наутро, когда протрезвели. Да что поделаешь, младшенького кровно обидели... Сказал, чтобы ноги нашей в деревне больше не было... На станцию, правда, повез, но всю дорогу ни слова не проронил. Обиделся. Видимо на этой земле больше не встретимся... Ну, что ж, прощай брат!

Клей плохой

На 59-м году жизни попал я под сокращение, точнее предприятие наше самоликвидировалось. В общем-то, не беда, государство наше неожиданно, не по своей вине, «упавшим» гражданам, всегда помогает. Поставят тебя на учет в центре занятости, назначат пособие по безработице, и живи потихонечку на две-три тыщеньки в месяц, не кашляй. На хлеб с солью, да на святую водицу хватит, зато ожирение не грозит, а от него именно, говорят светины от медицины, все болезни.

Но, как оказалось, есть одно неперемное условие при постановке на учет в ЦЗ: в обязательном порядке необходимо пройти флюорографию, что и было мне сразу же предложено сделать. Что ж, надо, так надо, пройду, авось от меня не убудет. Хотя, как знать, как знать, ученые давненько уже намекают, что при данной процедуре дозочка радиации все же гарантирована. А тут дозочка, там дозочка, глядишь рак-рачек и заведется в твоём организме.

В поликлинике я не бывал тьфу, тьфу, тьфу, лет десять. Давно уже зарекся туда из-за бесполезности ходить. Пустая трата времени и денег. А тут уж пришлось заявиться. Подошел к окошечку регистратуры и попросил карточку. Долго искали, но нашли, она у меня такая же тощая, как и я сам, оказалась. Два листочка всего в ней исписано. Доброжелательно, с некоей даже жалостью и сочувствием ко мне, как к серьезно больному, спросили: «Вам к какому врачу?».

- Да мне бы только флюорографию пройти, для центра занятости требуется.

- Тогда Вам карточка не нужна, - расплылась в улыбке

«медицина», пройдите в седьмой кабинет. А затем, глянув на последний флюорографический квадратик, из тех, что приклеены на лицевой стороне карточки, погрозила мне пальчиком и назидательно промолвила: «Что же Вы за десять-то лет ни разу у нас не проверились?».

- Так ведь не болел я, вот и не ходил сюда, - отвечаю, - случись бы что — немедленно прибежал бы к вам.

- Не шутите со здоровьем, регулярно просвечивайтесь, - посоветовала. - Пройдете флюорографию, ответ получите завтра, а квадратик с датой сдадите в регистратуру.

- Хорошо, - улыбнулся я в ответ.

Такое отношение медперсонала — как бальзам на душу. В приподнятом настроении прошел необходимое просвечивание. На завтра, получив справку и убедившись, что здоров, понес квадратик в регистратуру. Девушка, другая уже, не вчерашняя. С улыбкой представился. - Мне бы карточку, - говорю, - квадратик флюорографический приклеить. А она мне, этак сочувствующе: «А знаете, у нас сейчас клей плохой поступил (при Советах такого не было, и не могло быть) и квадратик отпадают при постоянном переключивании карточек, в поисках нужной. Так что держите его лучше у себя. А при необходимости, если вдруг заболите, предъявите нам».

- Куда бы мне его, этот клочок бумажки, размером сантиметр на сантиметр положить, чтобы не потерять, - думаю. И решил в паспорт, за обложку спрятать.

Прошло дней десять. Потребовался паспорт, чтобы заказное письмо на почте получить. Получил, а уж дома вдруг вспомнил о злополучном квадратике. Решил проверить, на месте ли он. Увы и ах, пропал куда-то Ни в паспорте, ни в кармане пиджака, где мое удостоверение

личности лежало, его не оказалось. Скорее всего на почте он у меня каким-то образом выскользнул.

- Ну, - подумалось, - только бы теперь не заболеть, а то опять придется флюорографию проходить. И ведь, как в воду глядел. Правда не заболел, а очки свои нечаянно разбил. В аптеке, куда обратился, сказали, что без рецепта окулиста «вторые глаза» мне не выдадут. Оказывается и здесь о моем здоровье пекутся.

Опять регистратура. В окошечке милостивая девушка, но ни первая, ни вторая, а уже получается, третья. Попросил записать на прием к окулисту. Быстро нашла карточку, пробежалась по квадратикам и направила меня опять в кабинет флюорографии. И здесь созерцаю новое личико специалиста. Попросил у нее новый квадратик, взамен утерянного.

- Когда Вы были у нас?

Назвал точную дату. В журнале регистрации почему-то меня не оказалось. Был там записан, правда, какой-то Жиганов, но не Жданов. Вероятнее всего была искажена моя фамилия. Тем не менее, пришлось опять просвечивать то, что выше пояса и ниже шеи.

Приложил грудь к экрану, стою и думаю: «Развалили Союз, породили во всем анархию, даже клей хороший приготовить не могут. Медики — тоже не далеко ушли, фамилии путают по своей халатности. А я из-за этого бардака лишнюю дозу радиации получать должен...

О здоровье моем вроде бы все пекутся, а на деле -то - рушат его».

Существительное и прилагательное

- А не обленились ли мы, братцы? - невольно пришла в голову мысль, когда однажды по весне узнал, что в наших торговых точках появился в продаже привезенный из других регионов картофель. Может быть, жить мы стали лучше, и наши семейные бюджеты существенно выросли, если тратим деньги на покупку овощей, перестав выращивать их самостоятельно на своих участках?

А ведь, казалось бы, еще совсем недавно ни лук, ни капусту, ни свеклу и так далее, к нам не завозили. Не пользовались они спросом у населения, так как в каждой никольской семье подвалы ими были забиты до отказа. Да и несколько позднее, когда кое-какие овощи стали завозить, покупка их считалась делом неприличным. Старики осуждающе поглядывали на такого покупателя, считая его лентяем. Тех, кто не имел своего земельного участка, хлева для скотины, они между собой (прямо не говорили) называли тунеядцами.

Каждый квадратный метр земли, не говоря уже о сотках, использовался садоводами-огородниками по прямому назначению. Придорожные полосы во всех направлениях были засажены картофелем. Отводились земли под коллективные огороды. В полном смысле слова был земельный бум.

В связи с этим, вспомнился мне один случай. Как-то, в так называемые «застойные» времена, когда в сравнении с временами нынешними все было с точностью до наоборот, мне во время командировки в Зеленцовский лесопункт, пришлось «воспитывать» одного неплохого, кстати, рабочего за невыход на работу без уважительной для руководства причины (сенокосная пора), то есть, за прогул. Выслушав мои нотации, в ответ, оправдывая свой проступок, он сказал следующее: «Есть у меня свой дом,

приусадебный участок, несколько грядок под картофель разработано возле леса на бывшем пустыре, в хлеву скотина стоит, сенокосные угодья имеются, в лесу грибы-ягоды растут, в реке рыба водится. Так вот, всем этим я и моя семья живем-кормимся, это основа нашей жизни, то есть «имя существительное». А работа на производстве, она не столь существенна, это «имя прилагательное». Без «существительного» - мы «коньки откинем», а без «прилагательного» - как-нибудь да проживем.

Нынче же это «имя существительное» забывается, а кое-кем уже напрочь забыто. А зря. Шальной лесной бум, за счет которого многие сейчас живут, причем живут неплохо, не вечен. Пройдут годы и мы будем искать новые источники существования. Придется, скорее всего, нам к землице-матушке возвращаться. А куда мы от нее денемся? Ведь земля вечно была, есть и всегда будет основой нашего существования, то есть именем существительным.

Умирать от голода, я полагаю, никто из нас не захочет.

Напросился

Встретились как-то два бывших одноклассника в родном лесном поселке. Один живет в крупном портовом городе, ходит по морям-океанам, другой остался на своей малой родине, добывая рубли валкой леса. Выпили, как следует по доброй русской традиции, дешевенького, но крепкого напитка, «паленки», по-нашему, закусили, чем Бог послал, на скорую руку. И пошел-потек разговор по

душам.

- А ты помнишь, как мы...?

- Помню. - А ты-то помнишь, как у тебя...?

Дальше-больше. Стопка за стопкой, пьют «зелье-отраву», как воду.

- А ты все такой же, - заметил приезжий.

- Какой?

- Да слово свое держишь. Сказал — сделал.

- Это мы можем! - польщен похвалой местный.

- А что, вот голову на чурбак положу, попрошу, чтобы ты мне ее отрубил, - неужели отрубишь?

- Без проблем, ложи!

Положил гость шутя голову на плаху, а хозяин потянулся за топором. Струхнул приезжий товарищ, убрал голову. Выпили еще по одной, а гостю все не терпится узнать-проверить, действительно ли такой он решительный, одноклассник-то.

- А палец положу — отрубишь?

- Как два пальца обо...

Положил гость палец на краешек чурбака.

- Руби!

Взмах топора, палец летит в сторону.

Шарик, присутствовавший при сем событии, подхватил его и побежал лакомиться. А друзья-одноклассники отправились в медпункт...

Не гони, мужик

Зима — время для бомжей тяжелое. Может, не очень голодное, но зато дюже холодное, это уж точно. В кочегарки нынче не велено пускать бездомных. Чтобы не лишиться премиальных, гоняют их кочегары из своей обители. Куда податься бедным нашим изгоям? Вот и идут они в отапливаемые подъезды ближайших многоквартирных домов.

Встал как-то сосед мой Валера ранехонько, около пяти часов утра, на автобус надо было спешить вологодский. Схватил сумочку и бегом на выход. Толкнулся в дверь, а открыть не может, привалился кто-то с другой стороны. Кое-как удалось отодвинуть спавшего бездомного. Злоумышленником оказалось чучело женского пола, в шубейке на рыбном меху, свернувшееся калачиком, пьяное вдрабадан, с характерным запахом духов «минассали».

Слегка попинал Валера, чтобы разбудить ее. Когда та открыла глаза, сказал-приказал: «А ну, пошла вон!».

- Не гони, мужик, - жалобно проблеяла она, - а я тебе дам...

Отнюдь не байка

Где-то в шестидесятые годы прошлого века на Вологодчине, как, впрочем, и в других областях Нечерноземья, так называемой зоны рискованного земледелия, высадился большой десант то ли двадцати-,

то ли тридцатитысячников. Они были направлены партией и правительством для поднятия сельского хозяйства в отдаленные от областных центров районы. На Никольщину прибыли, если память мне не изменяет, на должности председателей колхозов русский по национальности Владимир Сергеевич Алексеев (колхоз «Утро»), украинец Алексей Алексеевич Цыбенко («Россия»), еврей Леонид Аронович Брукштейн («имени Калинина») и другие.

Но речь не о них, это так, к слову. А вот в один из соседних районов на аналогичные должности прибыли среди прочих украинец Остап Григорьевич Сидорчук и еврей Лев Натанович Захер.

И надо отдать должное, что у заезжих молодцов в хозяйствах дела ладилась. Причины назвать не могу, вероятно, им больше помогали областники. Производственные показатели в хозяйствах тысячников были выше средних по району, а иных, к слову сказать, и быть не могло, иначе терялся бы смысл идеи укрепления руководящих кадров на селе. Вообще-то, и первые секретари райкомов в глубинке, в основном были завозными. Наши, местные, почему-то тогда особо не котирировались.

Так вот, как-то глубокой осенью, в том самом соседнем районе на расширенном бюро райкома КПСС подводились итоги сельскохозяйственного года. Первый секретарь здесь был мужик толковый, заседание вел не по бумажке, многие показатели даже по хозяйствам, не говоря о районных, прекрасно помнил и ими свободно манипулировал.

Конечно же, всем сестрам он выдал по серьгам. Местным председателям досталось по заслугам. Иван Петрович Некипелов и Василий Федорович Бритвин

получили по строгому выговору, причем последний даже с занесением в учетную карточку — за последние места по всем показателям.

А чтобы завершить бюро на мажорной ноте, секретарь решил поставить в пример, похвалить, завозных руководителей.

- Если кто бывал в колхозе «Знамя труда», видел, как там толково, рачительно ведет хозяйство Остап Григорьевич, нахваливал партиец «варяга», - на высоте трудовая и производственная дисциплина. Соответственно и экономические показатели у товарища Сидорчука очень высокие. Есть с кого брать пример и у кого учиться местным руководителям...

Или взять, к примеру, товарища Захер, ...

Здесь он как-то непроизвольно сделал небольшую, но, как оказалось роковую, паузу, вероятно, вспоминая название его колхоза, или какой-то показатель хозяйства Льва Натановича.

- За что, за что взять-то? - довольно отчетливо в напряженной тишине прозвучал из угла чей-то вкрадчивый голосок...

Все присутствовавшие на бюро, как один, разразились столь громким смехом, что в кабинет тут же влетела бледная секретарша, никак не ожидавшая подобного в помещении, куда и входили-то с дрожащими коленями, не привыкшая к такого рода вольностям на серьезнейших партийных заседаниях.

Не сплавщик ты, Алеша!

В старые добрые леспромхозовские времена, древесина хвойных пород с восточных районов Вологодчины доставлялась на Подосиновский комбинат Кировской области по реке Юг модем, то есть, не в плотках, а россыпью, по бревнышку. В зависимости от водных горизонтов, сплав продолжался от месяца до трех, а то и чуть долее. Чем быстрее пройдет сплавная навигация, тем меньше на нее затрат ляжет, и тем быстрее рабочие вернутся к лесозаготовкам — главному плановому показателю. Отсюда и жесткий непрерывный контроль за сплавщиками со стороны аппарата управления ЛПХ. Да и директор с главным инженером — постоянные «гости» на реке.

В один из теплых майских дней 198... года, освободившись от бумажной волокиты, директор леспромхоза Василий Васильевич с водителем Алексеем поехали на «УАЗ-е» на Юг, проконтролировать ход проплава. Надо сказать, что «караванка», то есть, окончательная зачистка берегов от сортиментов, снятие древесины с отмелей и дальнейший ее проплав, шла не в том темпе, как планировалось. Требовалось «подстегнуть» бригады.

Подъехали к реке, возникла необходимость перебраться на другой берег, где расположилась на обед одна из бригад сплавщиков. Именно в период отдыха или принятия пищи рабочими (ценило руководство рабочее время) и производилась их «накачка», или вдохновение на трудовой порыв. Задействованы были в этом и «кнут», и «пряник». Можно было наругать, или просто пристыдить, а можно и хорошие премиальные пообещать. Все средства были хороши.

Оставив «УАЗ» на крутояре, спустились к воде. Ни

плота, ни лодки не было. Стоя на урезе, Алексей стал багрить крупные бревна, приплавляя их к берегу.

- Ты чего, Алексей, делаешь? - спросил директор.

- Ловлю по паре крепких толстых бревен на каждого, чтобы на них форсировать нам Юг, - ответил водитель.

- Эх, не сплавщик ты, видать, Алешка! Учись, пока я жив!

С этими словами, явно обидевшими шофера, выбрав момент, когда по реке не плыли бревна, Василий Васильевич крепко воткнул вертикально багор в середину сортимента, диаметром где-то под сорок сантиметров и развернул его поперек реки. Затем лихо оттолкнулся ногами от прибрежного дна и, вскочив на сосну и удерживая равновесие руками и багром, балансируя, как хороший циркач, стал удаляться от берега.

- Вот так, Алеша, надо переправляться настоящему сплавщику, - донеслось уже почти со середины реки, - действуй как я!

Зачарованно смотрел на директорскую эквилибристику водитель, охая и ахая при этом.

- Смелый и рискованный у нас шеф, а как виртуозно управляется, аж завидки берут, - восхищался ювелирным по точности исполнения «номером» Алексей.

На противоположном берегу сплавщики задорными криками поддерживали лихого директора.

Что дальше случилось, осталось тайной за семью печатями, Василий Васильевич об этом впоследствии не распространялся. То ли «топляк» попался, то ли случайно, невесть откуда взявшееся бревно протаранило, а может сам директор в чем-то оплошал, но на глазах у сплавщиков и водителя, Василий Васильевич начал резко

заваливаться налево и вместе с багром боком плюхнулся в воду. Через мгновение вынырнул. Выплыл сам, у берега подхватили его сплавщики и быстренько доставили к костру. Тут же была задействована процедура просушки как снаружи так и изнутри, отработанная годами, и которая «поставила директора на ноги» в считанные минуты.

А тем временем Алексей старым традиционным способом, обхватив ногами два бревна, и отталкиваясь багром, благополучно пришвартовался к берегу, как раз возле стоянки сплавщиков.

Ох, как подмывало водителя ответить на обиду незадачливому шефу его же словами: «Эх, не сплавщик Вы, видать, Василий Васильевич!» - Да увидев сконфуженное его лицо, он на эту «пакость» не решился, пожалел. Да ведь и чреваты последствиями подобные подковырки.

Обратно переплывали реку Алешкиным способом, и в полном молчании.

Беги за участковым...

Сидят мужики втроем, выпивают. Наиболее разговорчивы двое. Третий больше молчит, и вследствие своего неучастия в беседе, то хлебушка порежет и солью посыплет, то луковицу очистит, то по стаканам разольет.

А разговор, между двумя, мирно идет: монотонный, без слез, без соплей, без криков и претензий, просто за жизнь. Честно говоря, не больно-то и вслушивался в их болтовню третий, занятый своими печальными мыслями.

А забот-хлопот у него было море... Но суть не в нем.

И даже не понял молчун, как и зачем взял со стола нож один из собутыльников. Короткий взмах руки, удар, и... собеседник замертво падает с табуретки на пол.

Тот, что ударил, выдернул из тела нож, обтер лезвие тряпкой, положил обратно на стол. И, переведя взор на третьего, спокойно сказал: «Чего сидишь? Беги за участковым, а я, той порой, немного посплю».

Когда пришел участковый, убийца спокойно похрапывал на диване.

Не нашел места в жизни

Жили-были папа, мама и сын. Папа был тружеником от Бога, воспитанный на примерах натурального Стаханова и литературного Корчагина. Во времена социализма он имел все, что и полагалось истинным передовикам производства. Причем, не только славу и почет, но и многочисленные, по тем временам, блага, которые легко приобретались на его баснословные, опять же по тем временам, заработки. Что ж, по труду и слава и честь!

Ближе к пенсии надумал отец перебраться из беспросветного захолустья, в более благополучный районный центр, поближе, так сказать, к цивилизации. Построил свой дом, крепкий, добротный — на века, обстановка внутри — по высшей для небольшого городка мерке.

Жили, не тужили. Во всем достаток. Так, думалось, и всегда будет.

Вышли родители на пенсию, жить стало чуть потяжелее, но, тем не менее, нужды семья не знала.

За трудовыми успехами, однако, просмотрели сына. Все было ему, все было для него. А он и учиться не хотел, и работать физически не желал, а ведь без образования, извините, начальственные «портфели» ни в одном государстве не дают.

Ушли в мир иной родители. Остался сынок один на один с судьбой. А тут и времена иные подступили, суровые, жестокие. Такие, когда человек человеку — волк. Запил наш герой, завел знакомства с такими же почитателями Бахуса. Подругу поимел из той же среды, определив ее затем в гражданские жены, то бишь, в сожительницы. Пока силы были, катал «баланы» на пилораме, когда поослаб — стал подряжаться колоть дрова пенсионерам да немощным, тротуары стелить, заборчики подправлять, да новые ставить. А жизнь дорожала и заставляла искать иные источники дохода. Нет-нет, воровать он не стал, не заложен был в нем родителями этот вид деятельности. Начал продавать ценные вещи, купленные в былые времена отцом, те, что еще пользовались спросом.

И, однажды, когда в доме остались практически одни стены, по-пьяни «прозрел» наш герой, втихаря от жены набросил в сарае на крюк веревку, сделал петлю и... ушел из жизни, всего-то в сорок с небольшим лет.

Дядя едет в Тамбов

Приколистов-юмористов у нас великое множество. К их числу отношу себя и я. Жуть как люблю разыграть кого-нибудь из знакомых. Конечно же, стараюсь, чтобы шутка была приземлена, то есть была бы реальной. Тогда и выстрел будет в яблочко, в самую десятку.

Пришел я как-то спозаранку на автостанцию, с автобусом вологодским кое-что отправить нужно было. Время в ожидании «убить» чем-то хочется. А тут навязалась на мою голову мелодия: «Мальчик едет в Тамбов...». Замысел созрел сразу же.

Рванул к таксистам. Ребята знакомые, почему бы, думаю, над ними не приколоться? Ускорился по мере возможности, чтобы участилось дыхание. Подбегаю, как бы запыхавшись: «Ребята, мне нужно срочно в Тамбов уехать. Договоримся?». Самый смекалистый, и, судя по всему, хорошо меня знавший, улыбнулся, глянул этак хитроватенько, с прищуром мне в глаза. Сразу понял, что прикол. А вот другой, тот на полном серьезе спросил: «А где это такой?».

- Да за Москвой, где-то километрах в пятистах от нее.
- По рязанской? - уже серьезно «клюнул» таксист.
- А Бог его знает.
- Не знаешь, а ехать собрался.

Пришлось «расколоться».

Посмеялись вместе. А таксист тоже оказался приколистом, и, как оказалось впоследствии — еще и не любителем оставаться в долгу.

Смотрю, набирает на «мобиле» своего коллегу.

- Петро, здорово, все еще спишь — посыпаешь?
- Да нет, чай уже пью.
- Работать-то сегодня собираешься?

- Сейчас приеду.

- Кончай пить чай, дуй срочно на «точку», тут дядя один в Тамбов спешит, «бабки» хорошие дает.

Чувствую, Петро тоже клюнул: как-никак свой звонит. Но, все же еще сомневается.

- А чего сам не едешь?

- Мне сегодня далеко нельзя, дела домашние неотложные ждут.

- Сколько дает?

- Сам договоришься по приезде, но «бабки» хорошие, дядя очень спешит.

- А где этот Тамбов?

- Географию, Петя, в школе учить надо было, а теперь уже поздно. У клиента сам и спросишь.

- Ладно, держи его за пиджачок, сейчас приеду.

И трубку бросил.

Я опешил, понял, что запахло жареным. Петруха, а я его очень хорошо знаю, может круто наехать, если, конечно, у него настроение хреновое будет.

- Мужики, с Петькой и Тамбовом вы сами разбирайтесь, я его не вызывал, это уж ваши козни, - снимаю с себя всякую ответственность за «обман» Петра.

В это время подрулил вологодский автобус. Спихнув водителю пакет, я отправился домой, и, как позднее выяснилось — зря. Лучше бы Петра возле автостанции дожидаться. По приезде на «точку», он клиента, то бишь меня, не застал, а таксисты-приколисты дали ему мой адрес, кто-то, видимо, знал его.

Стою в прихожей, переодеваюсь, а тут звонок длинный такой, тревожный. Открываю дверь и... обомлел.

Стоит в дверях Петруха.

- Чего не дождался?

...?

- Сколько до Тамбова даешь?

...?

Этот случай — реальный, и произошел он два года тому назад Зато сейчас, как только мы встречаемся с Петром, не сговариваясь, дуэтом запеваем: «Мальчик едет в Тамбов...»

Овации в аудитории

Только-только начиналась горбачевская перестройка, когда меня направили в Ленинград на годовые, как было указано в приказе, курсы повышения квалификации. Целый год словно в отпуске проболтаешься. Два учебных семестра прокайфуешь», а в результате - «Диплом-два» в леготу получаешь, - и в отделе кадров твоего родного предприятия в учетную карточку вносят второе высшее образование.

Вроде пустяк, а приятно — две «вышки» у тебя, а это ведь вам не хухры-мухры. Два высших образования тогда имели единицы, не всем так везло, как в данный момент подфартило мне.

Отношение преподавателей к нам было самое прекраснейшее, ведь мы уже были профессионалами своего дела, с большим опытом работы, и учить-то нас, практически, было и нечему, да и ни к чему. Нам казалось, что они с нами попросту отдыхают, как, собственно, и мы,

грешные, с ними.

И вот, первый семестр закончен, «автоматами» получены все зачеты. Впереди пять экзаменов. Первый — экономика. Профессор собрал всю группу вместе (25 человек), достал из кармана «колоду» билетов и, как заправский шулер, бросил их веером на стол.

- Ну, что ж, начнем, господа-товарищи, - сказал он, показав на билеты, - первые шесть человек — вперед!

Мы заняли выжидательную позицию, никому первыми идти не хотелось. Ведь первый — это для оставшихся ориентир, он рискует больше. Пауза затянулась. Ускорил процесс сдачи экзамена сам преподаватель.

- Кого устраивает «четверка», поднимите руки. «Синица» в руках и без всяких проблем — неплохо. С другой стороны, терзал вопрос, а не подвох ли это? И в чем он заключается? Тем не менее, один за другим, начали несмело поднимать руки. Результат же оказался стопроцентным: в итоге все сделали «Хенде хох».

- Староста, проставляй «четверки» в том порядке, как поднимались руки. Процесс пошел довольно споро, ибо профессор сам показывал, кого из студентов следует вносить в реестр «хорошистов». На числе 13 он завершился, что для нас оказалось довольно-таки неожиданным, ведь все согласились на «четверку». И тут, как гром с ясного неба, из уст преподавателя прозвучало: «А остальным поставь «отлично». Экзамен окончен.

Ох, как нам «четверошникам» казалось несправедливым данное решение. Готовы были его оспаривать, ведь инициатива первых тринадцати была наказана. Осадил нас опять же профессор.

- Хотите «пятерки» - тяните билеты! - засмеялся он.

Вопрос был исчерпан.

С каким же нетерпением мы ждали экзамена по этому предмету по окончании второго семестра. Что придумает преподаватель новенького? Ждали, гадали, готовились к этому событию. Главное — не промахнуться, не пролететь, быстренько раскусить хитрюгу-профессора и принять правильное решение.

И вот, этот долгожданный день настал. Заходит преподаватель в аудиторию. Мы, как замороженные, не сводим с него глаз, следим за каждым его движением. Изъяты из кармана билеты, так же как и зимой, пошулерски, веером брошены на стол.

- Ну, что ж, господа хорошие, начнем, басловясь - те же слова, что и полгода назад. Молчим, не шевелимся. Пауза затягивается. Тишина в аудитории — мертвейшая, мы боимся прозевать что-то необычное, но, вероятно, самое главное на данный момент. Что же «выкинет» сегодня профессор? Все напряжены до предела. А он, улыбнувшись, своеобразно разрядил обстановку.

- В прошлом семестре «хорошисты» были обижены, не так ли? - спросил он.

- Да, конечно! - разом ответили 13 голосов.

- Ну, что же, справедливость должна восторжествовать. Староста, всем, без исключения, «четверошникам» первого семестра поставь «пятерки», и, наоборот, отличникам - «четверки».

Тут уж «взвыли» эксотличники.

- Как-так, - зашумели они, - ведь в диплом пойдут последние оценки, то есть, мы, как бы пострадали.

- Инициатива не должна быть наказуема, - назидательно произнес преподаватель. В прошлом семестре мною был

нарушен этот принцип, нынче он восторжествовал. Несогласные — тяните билеты... Небольшая пауза, после которой тринадцать новоявленных «отличников» оглушающе-дружно захлопали в ладоши.

Из грязи, да в князи

Мария Журавлева всю жизнь прожила в городском своем доме, доставшемся ей от ушедших из жизни родителей. Вместе с мужем Иваном воспитали пятерых детей, всех поставили на ноги, дав образование. Разлетелись-разъехались детки по городам и весям, но родителей и отчий дом не забывают, навещают регулярно. Жили Иван да Мария все время в натяг, семья-то большая, всем все надо. Но, при этом жили всегда только на свои, кровно заработанные. Как говорится, по Сеньке и шапка, или каков приход, таков и расход. В общем-то жили — особо не тужили, по соседям не побিরались, не позорились, имея все необходимое для жизни, пусть и в небольшом количестве.

Это — прелюдия, а разговор будет о их соседях, точнее, о соседке.

Приехали Рогожкины из деревни лет 25 тому назад, купив соседний с Журавлевыми дом. Рассчитывались за него лет семь-восемь. Жили, еле-еле сводя концы с концами. Частенько, тем или иным выручали их Иван с Марией, делились, добрые души, чем могли: как же, надо

ближнему помогать. Анна постоянно «паслась» у них, то денежку до полочки занимала, то солью-сахаром, или еще чем-нибудь разживалась.

Первые звоночки прозвучали на третий год соседской жизни, когда Анна с мужем перевезли из деревни хлев и баню и поставили одной стеной как раз на границу участков (забора тогда еще не было). Таким образом, стоки с крыш попадали прямо на грядки Марии. Иван, как и подобает здравому человеку, свару заводить не стал — баню с хлевом все равно уже не сдвинешь. Решили не придавать этому значения.

Затем Анна, а муж у нее — подкаблучник, что та скажет, то он и делает, забор начала ставить, прихватив при этом полметра чужой, Марииной территории. Опять промолчали доброхоты. Десять соток земли есть — не убудет, им и этого хватит, не стоит из-за «пустяков» ссориться. Точнее, Иван уговорил супругу не ввязываться в распри.

- Завидуют они нам с тобой, отсюда и козни строят, надо быть выше этого, резюмировал он.

А Анна, как ни в чем не бывало, продолжала ходить к соседям за теми же солью-сахаром, совесть, видимо, позволяла ей это делать (а была ли у нее совесть-то?). Стерпели Иван с Марией, и когда соседская собака, попав на их территорию через дыру в заборе, истоптала все грядки. Пришлось пересаживать капусту по-новой, а остальные овощи с горем-пополам поднялись. И хоть бы извинилась Анна — так нет, вроде бы так оно и должно быть.

Однодеревенцев своих, с самого начала городской жизни она игнорировала, дальше порога не пускала, уж не говоря о ночлеге. Да и с родней у Анны как-то не ладилось.

А уж когда состоятельный брат мужа из Питера, награвший руки на ваучерной приватизации, начал усиленно помогать им финансами и купил «жигуленка-копейку» - нос кверху подняла, вознеся себя чуть ли не в статус графини-княгини. Вот уж воистину: «из грязи, да в князи».

Так вот и прошли 25 лет в мелкопакоостнических деяниях Богом данных соседей.

В прошлом году вышла как-то Мария на огород пополоть грядки. Приступила к работе. А за забором в это время соседка с подругой сидят за столиком, выпивают, разговоры ведут разные, сплетни перебирают.

Увлеченные своим базаром, прихода соседки явно не заметили и не услышали, хмель, видимо, все чувства притупил. А тональность и громкость диалога с каждой рюмкой все нарастают и нарастают. Хочешь ли, нет ли, а Марии все слышно После очередного «принятия на грудь», начала Анна «лить помой» на соседей, то есть, на Ивана с Марией. И такова наплела своей подруге про них, что Мария не выдержала, дурно ей сделалось. Пошатнулась, чуть не упала, тятка из рук выпала, звякнув о камень. Событыльницы, обернувшись на шум, застыли, поняв свою оплошность...

С той поры уже второй год пошел. «Берлинская стена», возникшая между соседями, до сих пор стоит. Несколько раз Анна пыталась наладить отношения, хитренько «подъезжая» к сердобольной Марии, но тщетно, не с того она начинала. Вместо того, чтобы извиниться за свои пакости и сплетни, она продолжала считать себя правой.

- Уж больно гордые, ничего про них и не скажи, - жаловалась она другой соседке, - что уж им обижаться-то на меня, по пьянке ведь я это сказала, сдуру. Что сделаешь,

уж такая я есть, теперь не переделаешь...

А Иванов запрет: «Чтоб ноги ее здесь больше не было!». - продолжает действовать до сих пор.

Лучше поздно, чем никогда

Умерла женщина пенсионного возраста. Собрались родня, односельчане. Кто слезы льет, кто выпивает. А дело, тем временем, шло к ночи. Соседи по домам разошлись, ближняя родня тоже, а дальняя - в других комнатах устроилась. Оставили покойницу одну на столе в гробу. Да как оказалось, не совсем одну. На диване «спал» «перепивший» пожилой мужичок.

Когда в доме все затихло, успокоилось, потихонечку встал с диванчика и старичок. Снял штаны и полез на стол, бормоча: «Шибко я любил тебя, да вот с живой-то с тобой договориться не смог, так хоть мертвую попробую». Такого кощунства не выдержала табуретка, с которой незадачливый «любовник» свалился на пол.

На шум из соседней комнаты сбежалась родня...

Поленом по голове

- Ума не приложу, как такое могло случиться? - поведал мне печальную новость участковый. - Старики-то вроде бы непьющие. Оба всю жизнь работали водителями-лесовозниками, «зеленым змием» и тогда не увлекались.

Разве что по праздникам, так и то в меру. В работе всегда друг другу помогали. Да ведь иначе на таежных дорогах и быть не могло. На пенсию вышли — иные проблемы одолели, домашнее хозяйство ведь тоже много сил и времени требует.

И вот как-то встретились в магазине ветераны, бутылочку традиционную завели. А может и не одну. Долго сидели у Ивана, все говорили-говорили, работу вспоминали. Потом дед-хозяин пошел провожать деда-гостя. Вскоре вернулся домой и спокойно этак, известил жену, что он, дескать, убил Василия поленом...

А за что и про что — так и осталось «тайной за семью печатями».

- Ничего не помню, - сказал он следователю.

Замочная скважина

- Здорово, журналенок, - из-за приоткрытой двери редакционного кабинета выглядывала улыбающаяся физиономия моего друга детства Андрея. - Я тебе темочку одну хочу подкинуть, веселенькую такую. Вечернюю жизнь в нашем захудалом городишке увидеть хочешь?

- Естественно.

- Тогда часикам к восьми вечера подгребай ко мне домой. Об этом говорить не стоит, это надо видеть. А когда увидишь, то ахнешь! Ну, чао!

... Затяжной, крутой и глинистый угор. Пока взобрались, вспотели.

Подошли к двухэтажному частному дому.

- Ну, заходи, не стесняйся, здесь наш общий знакомый живет.

На стук калитки вышел на крылечко хозяин.

- Ба, Вадим, здорово, вот не чаял тебя здесь увидеть, думал забыл ты меня совсем. Значит, тоже поглядеть хочешь?

Поднялись по крутой лестнице на чердак, Михаил подвел гостей к слуховому окну, возле которого стоял небольшой самодельный столик и несколько табуреточек.

Взору предстал, как на ладони, весь городишко. Панорама была впечатляющей. Впереди и далеко внизу, метрах в пятидесяти от дома, извивалась лента реки, а за ней вырисовывались в свете уличных фонарей ровные квадраты городских кварталов, схожих с шахматной доской.

- Жалуемся на темноту на улицах, а освещенность-то в общем неплохая, - невольно подумал Вадим, вглядываясь в открывшееся взору зрелище.

- А вот и мой дом, Миша, как отчетливо его видно, вот и мои окна. Надо же... Супруга, видимо, на кухне, ужин готовит, а ребятня телек смотрит в большой комнате. Вот те раз! Не ожидал такое увидеть, - с детским восторгом произнес Шлихтман.

- А ты, Вадик, вглядись повнимательнее, тогда не так ахнешь, - в бок журналиста уперлось что-то твердое, округлое. Мощный цейссовский бинокль значительно сократил расстояние. Вадим отчетливо увидел суetyающуюся возле газовой плиты жену, открытые на кухне шкавчики...

- Шторы, шторы темные на окнах надо задвигать, через тюль все видно, - неожиданно вспотел Шлихтман. А

то ночью и в туалет не сходить. Вот не знал, что все мы под колпаком у друга Мишки находимся. А ведь он уже год здесь живет. Всю подноготную нашего города, видимо, знает. Знает и молчит. Ну, и темнело.

- Кафе нашел? - толкнул Вадима в бок хозяин.

- Да от своих окон пока глаз оторвать не могу. Как голым перед всем светом себя почувствовал после увиденного. Ведь это надо ж, я же дома, ни в чем не стеснялся, а оказывается был у тебя под постоянным прицелом. Слушай, а сколько домиков с подобным обзором здесь у вас на горе?

- Точно не скажу, но два, полагаю, будет.

- И что же, все наблюдают, удовлетворяют свое любопытство?

- Не знаю.

- Миша, а тебе не стыдно, ведь тут и интим, и все прочее...?

- А я уже привык, да и значения особого этому не придаю. К тому же, это в первый раз интересно, а потом — будни. Я ж досе не на кого собирать не буду, а шантажировать — тем более.

- А вдруг кто-то тебе дорогу перейдет, а у тебя такие козыри?

- Нет. Сказал не буду, значит не буду.

- Хотелось бы тебе верить.

- Ты лучше посмотри, что в кафе делается? - Жуть! Мужики под сорок, женатые, а гляди, как к девкам молодым липнут, а?

Шлихтману не составило особого труда найти кафе «Юность». Приглядевшись к отдельному кабинетику, он увидел там своего квартирного соседа — коммерческого

директора, нашептывавшего что-то в танце на ушко юной девы.

- Что за девочка, интересно? Вроде бы знакомая? Ба, да это же Юлия С., одна из местных жриц любви. Вот те на... Ну, и сосед, а ведь с виду и не подумаешь, что бабник. Пятнадцать лет живем на одной площадке, а не знал, оказывается его Интересно, с ней ли пойдет из кафе? И куда?

Тьфу, черт, и я туда же, ведь это ж подло, как в замочную скважину подглядывать.

- Ну, и как, Вадик? - спросил хозяин дома.

- Пошло все это, Миша, мне стыдно даже.

- Тебе, как журналисту, нужно знать все, а то пишешь-разукрашиваешь, такой он, сякой, распрекрасный, герой твоего очерка. А на деле — вот он — подонок, развратник... Если сочтешь нужным — напишешь. Тогда все знать будут.

- Не решусь.

- Значит мало посмотрел. Теперь гляди вон туда, на Интернациональную улицу, в заводскую общагу. Второй этаж, третье окно справа, Видишь?

- Директор завода и... Что-то не могу различить, что за женщина там.

- Это у них в общежитии свободная комната, предназначенная для свидания с родственниками. Используется, сам видишь как. А гуляет он с экономистом К.

- Так у нее дети, вроде бы есть?

- Двое.

- Как она может? А муж?

-Муж, муж... Муж объелся груш, он в «отвале».

- А теперь переведи свой взор на улицу Лермонтова, во-о-н на ту двухэтажку...

- Миша, извини, сегодня больше не могу, глаза бы мои не смотрели. Итак слишком много впечатлений для одного дня. Может завтра зайду к тебе, а может быть и нет. Это, понимаешь... В общем, с души воротит...

Ни журавля, ни синицы

Ушел в историю молевой сплав древесины по рекам России, с которым было связано много печальных и смешных случаев, и вокруг которого до сих пор витает множество былей и небылиц. Предлагаемая читателям история весьма и весьма поучительна.

Срывка древесины (сбрасывание бревен из штабелей в воду) лесопунктом была уже закончена, оставалось завершить проплав по малой речке Сосновице, очистить берега от бревен и сдать «караванку» другому леспромхозу. Надо сказать, что каждая речка своеобразна и при общей внешней схожести неизменно отличается от любой другой. Не исключение и Сосновица, которая после бурного весеннего половодья, резко мелела, чем нередко затруднялось проведение сплавных работ.

Вот и на сей раз вышла на проплаве заминка: то ли начальство где-то ошиблось в своих расчетах, то ли контроль оказался слабоват, а может и сплавщики, решив заработать, сознательно тянули время — суть не в этом. Во всяком случае вешняя вода спала очень быстро,

оставив на берегах и разметав по заливным лугам сортименты, образовав на песках многочисленные «косы» из бревен, к которым ушлые мужики начали уже прицениваться. На одной из таких «кос» и вышла заминка. Начальник лесопункта Афанасий Петрович Березин назвал свою цену на разбор завала, бригада «заломила» почти двойную. А погода, надо заметить, стояла жаркая, не случайно мужики, настырничали, зная, что если не сегодня, то завтра начальник обязательно сдастся — обстоятельства заставят.

Не договорившись с Афанасием Петровичем, недовольные сплавщики побрели на отдых, распаляясь разговорами о том, как они завтра «накажут» строптивного начальника. По пути зашли в магазин, взяли, что полагается в таких случаях, и, уйдя в укромное местечко, за стаканчиком продолжали проклинать на все лады «Афоню», не позволившего им сегодня сорвать столь желанный куш. Изрядно захмелев, разбрелись по домам, беспробудно проспали до утра, даже не услышав, что ночью разразилась гроза над поселком и прошел мощный ливень.

Спозаранку, как и договорились накануне, пришли сплавщики в контору «добивать» начальника. Афанасий Петрович, выслушав их, минут пять оглушительно хохотал, глядя на хмурые с бодуна, и, в то же время, удивленные лица мужиков, не понимавших, с каких это «пирогов» у начальника столь хорошее настроение. Ведь по их мнению, он с утра должен был «рвать и метать».

Еле сдерживая смех, вывел он незадачливых мужиков на крыльцо и, показывая на реку, с трудом вымолвил: «Унесло братцы вашу «косу», плакали ваши дармовые денежки. Надо было вчера заключить договор на моих условиях, на сумму, которую я предлагал вам, не

работая могли бы «сорвать» сегодня пару - тройку сотен рубликов. А теперь не обессудьте, а на будущее умнее будьте».

Чертыхаясь и проклиная все и вся на этом свете, в том числе и начальника, которого выручила «небесная канцелярия», и себя, что «лоханулись» вчера, побрели сплавщики, еле волоча ноги, в магазин, чтобы залить нежданно обрушившееся на них горе.

Феномен из таежной глубинки

Люди делятся на сильных и слабых, не только, конечно, по физическим, но и по умственным кондициям. К тому же, кому Бог силы не дал, тот берет умом, и, наоборот: физически крепкие «амбалы» интеллектом в должной мере не обладают. Аналогично, есть хищники, и есть травоядные. То есть, в Природе, вроде бы, предусмотрено все таким образом, что всякая особь защищается и выживает по-своему.

Что касается Василия Афанасьевича, о котором пойдет повествование, моего односельчанина, тут случай вообще особый. Ни силой, ни интеллектом особым он не обладал, к тому же и ростиком Бог обидел. «Метр с кепкой» - про таких говорят. Однако, по жизни прошел — как нож по маслу. Судите сами: для своих 78 лет, он и сегодня выглядит бодреньким старичком спортивного склада, своеобразным юношей-переростком. На больничной койке он никогда не лежал, разве что в роддоме при рождении. За всю свою продолжительную

жизнь ни переломов, ни ушибов, ни сотрясений не имел, ни разу не был бит, хотя этого неоднократно, а пожалуй, и частенько заслуживал. «Вело его по жизни», говорят в таких случаях. А кто вел, и как понять этот чей-то для Василия Афанасьевича оберег, и в чем он заключается? Однако и реальные факты из его жизни не выкинешь. Почему -то природное или богово заступничество по отношению к нему носит одиозный характер. Я это больше отношу к неизвестному природному феномену. Стоит ему с кем-то серьезно поссориться, тут же семью оппонента, именно ближайших родственников, а не самого обидчика, начинают потрясать какие-то невзгоды, глобального при чем характера: то пожар, то тяжелая болезнь, а то и смерть чья-то. Причем, он ни Бога не молит (он в него вообще не верит), чтобы обидчик был наказан, не проклиняет его, обещая или напуская напасти. Получается, что какой-то справедливый (по отношению к нему, естественно) судья жестко карает его недругов, иногда даже очень жестоко. Ко всему прочему, аура Василия Афанасьевича весьма прочна. Сколько было наговоров на него, сколько косых, недобрых, с плохим умыслом взглядов (я это лично знаю) — все выдержала его «оболочка». Лишь изредка, под чьим-то очень сильным воздействием покорежит, потрясет феномена денек-другой, а затем наступает медленное выздоровление, а затем и полное восстановление защитных функций организма.

- Это незабываемые приятные ощущения. Я чувствую, как организм борется с чьим-то негативным воздействием и побеждает. Замечаю, как постепенно уходит слабость, как происходит прилив сил, организм снова обретает свои защитные функции, — рассказывал как-то он.

Еще одно качество поражало меня. Он умел предсказывать смерть людей, где-то в пределах месяца. И практически не ошибался. Как это ему удавалось? - опять же вопрос, видимо, к Матушке-Природе.